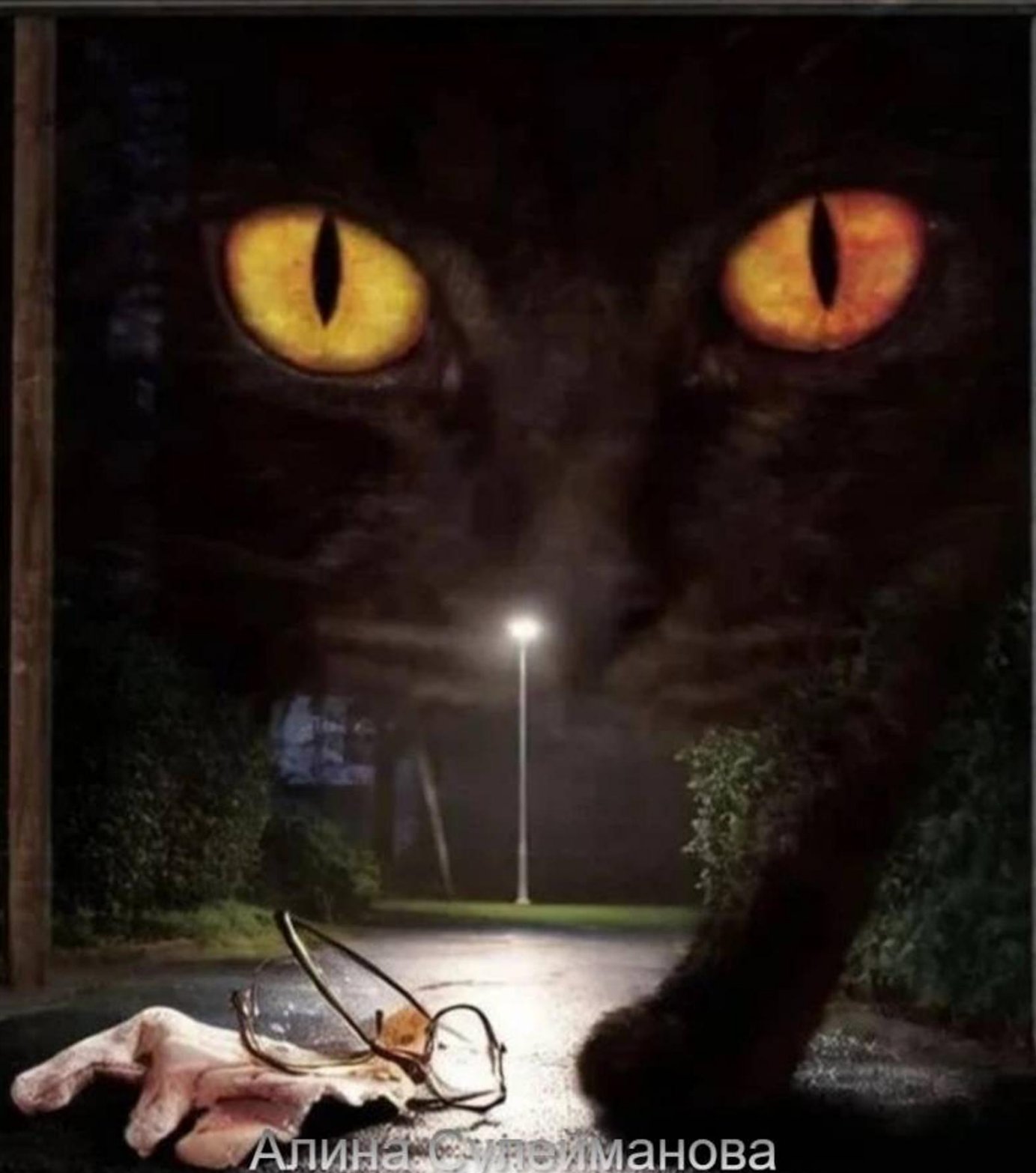

KOT-MONSTR

Алина Сулейманова

Алина Сулейманова

Кот-Монстр

«Автор»

2026

Сулейманова А.

Кот-Монстр / А. Сулейманова — «Автор», 2026

В маленьком городке Нортфилд, затерянном среди лесов штата Мэн, время течёт неправильно. Люди приезжают сюда — и не уезжают. Они находят покой — и теряют себя. А на крыльце старой бакалейной лавки, на углу Пятой и Мейн, всегда сидит чёрный кот. Огромный. Молчаливый. С глазами цвета старой крови. Его зовут Мистер Шип. Он не мяукает. Он смотрит. И когда он смотрит на вас, вы чувствуете, как что-то холодное касается вашей души. Дженна Кроу, журналистка, приезжает в Нортфилд, чтобы написать статью о странных исчезновениях. Гарольд Винс возвращается в город своего детства, чтобы встретиться с прошлым, которое он тридцать лет пытался забыть. Тимми Холлис, двенадцатилетний мальчик, ищет отца, который пропал двадцать лет назад. Все они едут в Нортфилд по разным причинам. Но город ждал их всех.

© Сулейманова А., 2026

© Автор, 2026

Алина Сулейманова

Кот-Монстр

Городок Нортфилд, штат Мэн, умирал медленно, как умирает старик от рака легких — сначала незаметно, потом с хрипом и кровью. Заводы закрылись еще в девяносто четвертом, и с тех пор здесь остались только старики, пьяницы да дети, которых родители забыли забрать в большой город. Именно в таком месте, где скука становится физической болью, и появился он.

Его звали Мистер Шип. Не потому, что он был каким-то особенным породистым котом, а потому, что старуха Маргарет Финч, которая держала бакалейную лавку на углу Пятой и Мейн, однажды увидела, как он пасет стаю крыс возле мусорных баков. Он не ловил их. Он *управлял* ими. Крысы бежали не от него, а *по его команде*.

Это был огромный черный кот, размером с небольшую собаку, с глазами цвета старой ржавчины. Он не мяукал. Он смотрел. И когда он смотрел на тебя, у тебя начинало покалывать в затылке, как будто кто-то невидимый водил по коже холодным гвоздем.

Первым исчез Дуглас Барлоу. Дуглас был местным пьяницей и, по общему мнению, полным ничтожеством. Он жил в трейлере на краю леса и часто возвращался домой затемно, спотыкаясь о собственные ноги. В ту ночь он нес в кармане бутылку дешевого виски и мечтал только о том, чтобы добраться до кровати.

Никто не слышал крика. Просто наутро Дуглас не пришел в бар «У Розы» (единственное место, где еще наливали в кредит). Через два дня его нашли в лесу. Вернее, нашли то, что от него осталось. Полицейский, который первым прибыл на место, потом неделю не мог есть мясо. Дуглас лежал на спине, и глаза у него были открыты. Во рту у него торчал комок шерсти. Черной шерсти. А на груди, прямо на коже, кто-то — или что-то — аккуратно, без единой капли крови, выцарапал слово: «*МОЙ*».

Шериф Холлис, старый, уставший человек с одышкой и больным сердцем, списал все на диких собак. Но Маргарет Финч, которая видела Мистера Шипа тем утром, сидящего на крыльце своего дома и вылизывающего лапу, могла поклясться, что кот ухмылялся. По-настоящему ухмылялся, как человек, который знает что-то, чего не знаешь ты.

Следующей была Кэролайн Дэвис. Молодая учительница, которая приехала в Нортфилд на год, чтобы отработать практику и сбежать от неудачного романа. Она снимала комнату в старом доме на Харлоу-стрит. Кэролайн была из тех, кто не верит в мистику. Она смеялась над историями о Мистере Шипе, которые рассказывали дети на переменах.

Однажды вечером она услышала, как кто-то скребется в дверь. Она открыла. На пороге сидел черный кот. Он не вошел. Он просто сидел и смотрел на нее своими ржавыми глазами. Кэролайн почувствовала, как у нее пересохло во рту. Она захлопнула дверь.

Ночью ей приснился сон. В этом сне она стояла посреди леса, а вокруг нее сидели крысы. Сотни, тысячи крыс. Они не двигались. Они ждали. А потом из темноты вышел он. Мистер Шип. Он подошел к ней вплотную, потерся о ее ногу, и она почувствовала, как что-то теплое и липкое стекает по ее коже. Это была не кровь. Это была *тоска*. Черная, всепоглощающая тоска одиночества, которая жила в ней с самого детства.

Она проснулась от того, что не могла дышать. На ее груди сидел кот. Он смотрел на нее. И в этот момент она поняла: он не убивает людей. Он *забирает* их. Забирает ту часть, которая делает их людьми.

Кэролайн попыталась закричать, но из горла вырвался только хрип. Кот наклонился к ее лицу, и она почувствовала запах — запах старой земли, мокрой шерсти и чего-то еще, сладковатого, как гниющее мясо. Он лизнул ее в щеку. Один раз. И Кэролайн Дэвис перестала быть.

Она не умерла. Утром она пришла в школу. Она вела уроки, отвечала на вопросы, даже улыбалась. Но дети потом говорили, что от мисс Дэвис пахло кошками. И что глаза у нее стали

другими — пустыми, как у куклы. А еще она начала приходить на работу с черными волосами, прилипшими к одежде.

Шериф Холлис пришел к Маргарет Финч. Он был бледен, и руки у него тряслись.

— Это не собаки, — сказал он. — Это что-то другое.

Маргарет кивнула. Она уже знала. Она видела, как Мистер Шип сидит на крыше методистской церкви и смотрит вниз на город. И она видела, как тени в переулках стали двигаться неправильно.

— Что нам делать? — спросил шериф.

— Ничего, — ответила Маргарет. — Он уже выбрал.

Той ночью шериф Холлис не вернулся домой. Его нашли утром на обочине дороги, ведущей из города. Он лежал лицом вниз. Вокруг него не было следов. Только черная шерсть. Много черной шерсти. А в его руке был зажат клочок бумаги, на котором дрожащим почерком было написано: *«ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ МЫ УШЛИ. НО МЫ НЕ МОЖЕМ. ОН ДЕРЖИТ НАС ЗА НОГИ»*.

Город Нортфилд не умер в ту ночь. Он умер раньше. Просто теперь это стало заметно. Люди перестали выходить из домов. Они сидели у окон и смотрели на улицу. Иногда кто-то видел, как по дороге идет черный кот. Он шел медленно, по-хозяйски, и за ним тянулась длинная, извивающаяся тень, которая не соответствовала ни одному источнику света.

Мистер Шип больше никого не убивал. Ему это было не нужно. Он просто сидел на крыльце бакалейной лавки Маргарет Финч и ждал. Ждал, когда последний житель Нортфилда забудет свое имя. Ждал, когда город станет его. Ждал, когда тьма, которую он посеял, прорастет окончательно.

А где-то в глубине леса, в старой хижине, которую все считали сгоревшей еще десять лет назад, сидел человек. Он был худ, как скелет, и глаза у него были такими же ржавыми, как у кота. Он улыбался. Он знал, что скоро придет время собирать урожай. И тогда Нортфилд станет только началом.

Ведь тьма не приходит одна. Она всегда приходит с тем, кто ее впустил.

Глава 1. Последний автобус до Нортфилда

Автобус компании «Грейхаунд» шёл по трассе 95-й мили, и его фары выхватывали из темноты лишь бетонные отбойники да редкие дорожные знаки, покрытые слоем грязи. Водитель, грузный мужчина по имени Рэй Пулман, уже сорок минут молчал, сжимая баранку так, будто она могла вырваться и убежать. Пассажиров было трое. Это было нормально для рейса Бангор — Нортфилд в конце октября, когда туристы давно уехали, а местные предпочитали сидеть дома.

В задней части автобуса спал старик в потёртой армейской куртке. Его звали Гарольд Винс, и он возвращался в Нортфилд после тридцати лет отсутствия. На коленях у него лежал потертый чемодан, перевязанный бечёвкой, а в кармане куртки — конверт с письмом от сестры, которое он так и не открыл. Сестра писала, что их мать при смерти. Гарольд знал, что это ложь. Мать умерла ещё десять лет назад, и он даже не приехал на похороны. Он ехал в Нортфилд не за этим. Он ехал, потому что больше некуда было ехать.

В середине салона сидела молодая женщина с рыжими волосами, собранными в небрежный хвост. Её звали Дженна Кроу. Она была журналисткой — точнее, бывшей журналисткой, потому что неделю назад её уволили из бостонской газеты за статью, которую редактор назвал «слишком мрачной даже для нас». Дженна ехала в Нортфилд, потому что получила анонимное письмо. В конверте лежала вырезка из старой газеты с заголовком «В НОРТФИЛДЕ ПРОПАЛ ШЕРИФ» и короткая записка, написанная печатными буквами: «ОН ВСЁ ЕЩЁ ТАМ. ПРИЕЗЖАЙ, ЕСЛИ СМЕЕШЬ».

Третьим пассажиром был мальчик лет двенадцати. Он сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и не отрываясь смотрел на проплывающую мимо тьму. Его звали Тимми Холлис. Он был сыном того самого шерифа, который пропал двадцать лет назад. Тимми никогда не видел отца — он родился через три месяца после исчезновения. Но каждую ночь ему снился один и тот же сон: человек с фонарём идёт по лесной дороге, а за ним, в темноте, движется что-то большое и чёрное.

Автобус свернул с трассы на просёлочную дорогу, и фары выхватили покосившийся указатель с выцветшей надписью: «НОРТФИЛД — 5 МИЛЬ». Дженна вздрогнула. Гарольд открыл глаза. Тимми прижал ладонь к стеклу, оставив на нём мокрый след.

Никто из них не заметил, как на обочине, в высокой траве, сидел чёрный кот. Он проводил автобус взглядом своих ржавых глаз, и в этот момент все трое пассажиров одновременно почувствовали, как по спине пробежал холодок. Никто не сказал ни слова. Никто не обернулся.

Автобус въехал в город.

Нортфилд выглядел так, будто его построили из старых костей и забыли похоронить. Дома стояли вдоль единственной главной улицы, и большинство из них были заколочены досками. Фонари горели только через один, и их свет казался болезненно-жёлтым, как цвет мочи. На углу Пятой и Мейн стояла бакалейная лавка с вывеской, которая когда-то, наверное, была красной, а теперь стала цветом запёкшейся крови. Рядом с ней, на крыльце, сидел чёрный кот.

Он не двинулся, когда автобус проехал мимо. Он просто смотрел.

— Это что ещё за хрень? — пробормотала Дженна, глядя на кота. — Он что, размером с овчарку?

— Это Мистер Шип, — тихо сказал Тимми, не отрываясь от окна. — Так его называют. Он живёт здесь дольше, чем кто-либо помнит.

Дженна обернулась. Мальчик смотрел на неё спокойно, но в его глазах было что-то, что ей не понравилось. Что-то слишком взрослое для двенадцатилетнего ребёнка.

— Ты знаешь этого кота? — спросила она.

— Я его вижу во сне, — ответил Тимми. — Каждую ночь.

Автобус остановился у единственного работающего мотеля под названием «Последний приют». Водитель открыл двери и объявил:

— Конечная. Нортфилд. Кто не хочет остаться здесь навсегда — советую не выходить.

Он сказал это с усмешкой, но глаза у него были серьёзные. Гарольд Винс, который уже стоял в проходе с чемоданом, посмотрел на него и сказал:

— Я здесь родился. И я вернулся не для того, чтобы уехать.

— Все так говорят, — ответил водитель и захлопнул двери.

Автобус уехал, оставив троих пассажиров стоять на улице. Ночной воздух был холодным и влажным, и в нём пахло чем-то гнилым — как будто где-то поблизости лежало что-то мёртвое.

Дженна подняла голову и посмотрела на небо. Звёзд не было. Только чёрная, тяжёлая пустота, которая, казалось, давила на город сверху.

— Добро пожаловать домой, — сказал Гарольд и направился к мотелю, волоча за собой чемодан.

Тимми не двинулся с места. Он смотрел на крыльцо бакалейной лавки. Кот всё ещё сидел там. И теперь он смотрел прямо на мальчика.

Тимми поднял руку и помахал ему.

Кот моргнул. Один раз. Медленно.

Дженна схватила мальчика за плечо.

— Пойдём, — сказала она резко. — Здесь холодно.

— Он меня ждёт, — сказал Тимми.

— Кто?

— Мистер Шип. Он ждал меня двадцать лет. С тех пор, как забрал папу.

Дженна ничего не ответила. Она просто потащила мальчика к мотелю, чувствуя, как между лопатками у неё растёт холодный комок страха.

А кот смотрел им вслед. И если бы кто-то в этот момент наблюдал за ним достаточно внимательно, он заметил бы, что тень кота на крыльце лавки была длиннее, чем должна быть. И что в этой тени медленно, одна за другой, открывались маленькие красные точки — глаза крыс.

Крыс, которые ждали.

Глава 2. Мотель «Последний приют»

Мотель «Последний приют» стоял на выезде из Нортфилда, там, где асфальт заканчивался и начиналась грунтовая дорога, ведущая в лес. Это было двухэтажное здание с облупившейся краской и неоновой вывеской, в которой горели только буквы «П», «О» и «Й». Получалось «ПОЙ» — и это, если честно, было более честным названием, чем полное.

За стойкой регистрации сидела женщина лет шестидесяти с седыми волосами, собранными в пучок. Её звали Рут Мэйсон, и она была хозяйкой мотеля уже сорок лет. Она посмотрела на вошедших троих без особого интереса, как смотрят на погоду — что есть, то есть.

— Номера есть, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Пятьдесят долларов за ночь. Наличными. Карты не принимаю.

— У меня нет наличных, — сказала Дженна.

— Тогда можешь заплатить позже, — Рут пожалала плечами. — Всё равно отсюда никто не уезжает.

Гарольд Винс положил на стойку помятый пятидесятидолларовый билет.

— Мне номер на неделю, — сказал он. — Если понадобится больше — доплачу.

Рут посмотрела на него внимательно.

— Гарольд Винс, — сказала она. — Я тебя помню. Ты уехал в восемьдесят четвёртом. Твоя мать умерла через два года.

— Я знаю.

— Ты не приехал на похороны.

— Я знаю.

Рут кивнула и протянула ему ключ с номером «7».

— Седьмой номер, — сказала она. — Тот самый.

Гарольд взял ключ. Его рука дрожала.

— Тот самый? — переспросила Дженна.

— В седьмом номере остановился шериф Холлис в ночь, когда пропал, — сказала Рут. — Он вышел отсюда в три часа ночи и не вернулся. Мы нашли его машину на дороге. Двигатель работал. Дверь была открыта. Внутри — никого.

Тимми, который до этого молчал, подошёл к стойке.

— Вы знали моего отца? — спросил он.

Рут посмотрела на мальчика. Её лицо не изменилось, но в глазах появилось что-то — то ли жалость, то ли страх.

— Ты сын Дэвида Холлиса, — сказала она. — Я вижу это по глазам. У него были такие же.

— Какие?

— Пустые, — ответила Рут. — Как у человека, который уже знает, что умрёт, но ещё не решил, когда.

Она протянула Тимми ключ с номером «3».

— Третий номер, — сказала она. — Это твоя комната. Она была его комнатой, когда он был мальчиком. Я сохранила её.

Тимми взял ключ. Он был холодным, как лёд.

Дженна получила ключ с номером «5». Она хотела задать ещё вопросы, но Рут уже отвернулась и уставилась в маленький телевизор, стоящий за стойкой. На экране шли помехи.

— Не работает, — сказала Рут, не оборачиваясь. — Уже двадцать лет. Но я всё равно смотрю.

Дженна поднялась по лестнице на второй этаж. Коридор был тёмным, и лампочки на потолке мигали, как будто умирали. Её номер был в конце коридора. Она открыла дверь и вошла.

Комната была маленькой, но чистой. Кровать с железными пружинами, деревянный стол, стул, шкаф и окно, выходящее на лес. На столе лежала Библия. Дженна открыла её. На первой странице, дрожащим почерком, было написано: «Он приходит ночью. Он не стучит. Он просто входит».

Дженна закрыла книгу. Ей вдруг стало трудно дышать. Она подошла к окну и посмотрела на лес. Деревья стояли стеной, чёрные и молчаливые. И где-то там, в глубине, она увидела две маленькие точки — красные, как угли.

Она задернула шторы.

В соседнем номере Гарольд Винс сидел на кровати, не раздеваясь. Он смотрел на стену. На стене были следы — царапины. Много царапин. Они складывались в слова, которые кто-то писал снова и снова, как будто не мог остановиться.

«ОН ЗДЕСЬ. ОН ЗДЕСЬ. ОН ЗДЕСЬ».

Гарольд знал, что это правда. Он знал это с того момента, как увидел кота на крыльце лавки. Он знал, потому что тридцать лет назад он видел этого кота впервые. Тогда он был мальчиком, и кот сидел на заборе возле его дома. И кот смотрел на него. И в тот момент Гарольд понял, что этот город — не его дом. Это дом кота. А люди здесь — просто гости, которые слишком долго задержались.

В третьем номере Тимми Холлис лежал на кровати, не снимая куртки. Он смотрел в потолок. Он знал, что сегодня ночью ему приснится сон. Тот самый сон. Человек с фонарём. Лесная дорога. Тень в темноте.

И он знал, что на этот раз он не проснётся, когда сон станет слишком страшным.

Он повернул голову и посмотрел на окно. Шторы были задернуты, но он видел, как за ними что-то движется. Что-то большое. Что-то чёрное.

— Я знаю, что ты там, — прошептал Тимми. — Я тебя не боюсь.

За окном что-то мягко стукнуло. Как будто кот прыгнул с подоконника на землю.

Тимми закрыл глаза.

И уснул.

Глава 3. Первая ночь

Дженна Кроу не могла уснуть. Она лежала в кровати, укрывшись тонким одеялом, и слушала звуки старого мотеля. Скрип половиц, шорох мыши в стене, завывание ветра в щелях окон. Всё это было обычным. Но было что-то ещё. Какой-то звук на грани слышимости — низкий, вибрирующий, как будто где-то далеко работал огромный мотор. Она не могла определить, откуда он идёт. Он просто был. И от этого звука у неё начинало ломить в висках.

Она встала, надела куртку и вышла в коридор. Лампочки всё ещё мигали. Она подошла к лестнице и спустилась вниз. В холле было темно, только за стойкой горела маленькая настольная лампа. Рут Мэйсон спала в кресле, и её лицо во сне было необычно спокойным, как у ребёнка.

Дженна вышла на улицу. Ночной воздух ударил в лицо, и она на секунду задохнулась — он был не просто холодным, он был *тяжёлым*, как будто кто-то налил в атмосферу свинца. Она посмотрела на небо. Звёзд по-прежнему не было. Только чёрная пустота, которая, казалось, стала ещё ниже.

Она пошла по дороге в сторону города. Фонари горели через один, и в их свете она видела странные вещи. На столбе возле почты кто-то нарисовал мелом кошачью морду. У морды были ржавые глаза. Дженна остановилась и посмотрела на рисунок. Он был сделан недавно — мел

ещё не смылся дождём. Но самое странное было не в этом. Самое странное было в том, что глаза на рисунке смотрели на неё. Куда бы она ни повернулась, они следовали за ней.

Она отвернулась и пошла дальше. Она дошла до бакалейной лавки Маргарет Финч. Лавка была закрыта, но за стеклом горел свет. Дженна подошла ближе и заглянула внутрь.

Маргарет Финч сидела за прилавком. Она была старой — очень старой, как будто ей было сто лет или больше. Её лицо было покрыто морщинами, глубокими, как трещины в сухой земле. Она смотрела прямо перед собой, не мигая. Перед ней на прилавке лежала разделочная доска. На доске лежала курица. Маргарет держала в руке нож. Она не двигалась.

Дженна постучала в стекло. Маргарет не отреагировала. Дженна постучала сильнее. Тогда старуха медленно повернула голову. Её глаза были мутными, как у рыбы, которая слишком долго пролежала на воздухе. Она посмотрела на Дженну, и её губы зашевелились. Дженна не слышала слов, но она прочитала по губам:

— Уходи. Пока можешь.

Дженна отступила от окна. Сердце у неё колотилось. Она хотела уйти, но что-то заставило её обернуться. На крыльце лавки, в тени, сидел кот.

Он был огромным. В темноте его чёрная шерсть казалась ещё чернее, как будто она поглощала свет. Его глаза — ржавые, как старая кровь, — смотрели прямо на Дженну. Он не двигался. Он просто сидел и смотрел.

Дженна почувствовала, как её ноги стали ватными. Она хотела закричать, но голос пропал. Кот медленно поднялся. Он был не просто большим. Он был *неправильным*. Его пропорции были не такими, как у нормального кота. Лапы слишком длинные. Хвост слишком толстый. Голова слишком большая.

Он сделал шаг в её сторону.

Дженна попятилась. Она споткнулась о бордюр и упала на спину. Кот остановился. Он смотрел на неё сверху вниз. И в этот момент Дженна поняла: он не собирается её убивать. Он просто хочет, чтобы она знала, кто здесь хозяин.

Кот развернулся и ушёл в темноту. Дженна лежала на асфальте, тяжело дыша. Она смотрела в небо, и ей казалось, что чёрная пустота над городом стала ещё ближе.

Она вернулась в мотель на рассвете. Рут Мэйсон уже не спала. Она стояла за стойкой и пила кофе.

— Видела его? — спросила Рут.

Дженна кивнула.

— Тогда ты поняла, — сказала Рут. — Он не просто кот. Он — то, что живёт в этом городе. То, что было здесь до нас. И то, что останется после.

— Что он такое?

— Никто не знает, — ответила Рут. — Одни говорят, что это дух леса. Другие — что это демон, которого кто-то вызвал много лет назад. Третьи — что это просто кот, который однажды попробовал человеческую кровь и ему понравилось. Но все сходятся в одном: он забирает людей. Не убивает. Забирает. Их тела остаются, но внутри уже никого нет.

— И сколько людей он забрал?

Рут посмотрела в окно.

— Достаточно, — сказала она. — Скоро ты сама это увидишь.

Дженна поднялась в свой номер. Она села на кровать и достала блокнот. Она начала записывать. Всё, что видела. Всё, что слышала. Она была журналисткой. Она не могла остановиться. Даже если это было последнее, что она делала в жизни.

За стеной, в седьмом номере, Гарольд Винс стоял у окна и смотрел на лес. Он не спал всю ночь. Он знал, что сегодня должен пойти туда. В лес. Туда, где тридцать лет назад он встретил кота в первый раз. Туда, где он оставил что-то, что должен был забрать.

Он оделся, взял чемодан и вышел из номера. В коридоре он столкнулся с Тимми Холлисом. Мальчик выглядел так, будто не спал. Его глаза были красными, а руки дрожали.

— Ты тоже его видел? — спросил Тимми.

— Да, — ответил Гарольд. — Я видел его всю жизнь.

— Куда ты идёшь?

— В лес. Я должен кое-что найти.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — сказал Гарольд. — Ты останешься здесь. Ты ещё не готов.

— Я готов, — сказал Тимми. — Я готов всю жизнь.

Гарольд посмотрел на мальчика. В его глазах он увидел то же, что когда-то видел в своих. Отчаяние. Решимость. И что-то ещё. Что-то тёмное.

— Хорошо, — сказал Гарольд. — Но если что-то пойдёт не так — беги. Не оглядывайся. Просто беги.

Они вышли из мотеля вместе. Солнце ещё не встало, и город был серым, как пепел. Они пошли по дороге в сторону леса. И никто из них не заметил, как за ними, на расстоянии, следует чёрная тень. Тень, у которой не было источника.

Глава 4. Лес

Лес начинался сразу за городом. Он был старым — очень старым, как будто эти деревья помнили времена, когда здесь ещё не было ни белых людей, ни их городов, ни их страхов. Сосны стояли стеной, и их стволы были покрыты мхом, который в полутьме казался чёрным.

Гарольд Винс шёл впереди, и его чемодан стучал по земле, как второе сердце. Тимми Холлис шёл за ним, стараясь не отставать. Он смотрел на лес и чувствовал, как что-то внутри него отзывается на эту темноту. Как будто лес знал его. Как будто лес ждал его.

— Куда мы идём? — спросил Тимми.

— В хижину, — ответил Гарольд. — Она стоит на берегу ручья, в самой глубине леса. Там я впервые увидел его.

— Кота?

— Да. Мне было десять лет. Я заблудился. Я шёл по этой же дороге, и вдруг увидел его. Он сидел на пне и смотрел на меня. И я понял, что он хочет, чтобы я пошёл за ним.

— И ты пошёл?

— Да. Он привёл меня в хижину. Там был человек. Старик. Он сидел у огня и что-то бормотал. Я не помню, что именно. Но я помню его глаза. Они были такими же, как у кота. Ржавыми.

— Что случилось потом?

— Кот ушёл. А старик посмотрел на меня и сказал: «Ты ещё вернёшься. Все возвращаются». Я не поверил ему. Я убежал. Я нашёл дорогу домой. А через два года уехал из Нортфилда и поклялся никогда не возвращаться.

— Но ты вернулся.

— Да. Потому что понял: он не отпустит. Он никогда не отпускает.

Они шли молча ещё час. Лес становился гуще. Свет почти не проникал через кроны, и в воздухе висел запах сырости и гниения. Тимми начал замечать странные вещи. На стволах деревьев были царапины — длинные, глубокие, как будто кто-то точил когти. Временами он видел на земле следы — не человеческие и не звериные. Они были слишком большими для кота и слишком маленькими для медведя.

— Это его следы, — сказал Гарольд, заметив, куда смотрит мальчик. — Он здесь хозяин. Он ходит где хочет.

— А почему он не убил нас прошлой ночью? — спросил Тимми. — Он мог.

— Потому что ему это не нужно, — ответил Гарольд. — Он не убивает. Он ждёт. Он хочет, чтобы мы сами пришли к нему. Добровольно.

— Зачем?

— Потому что тогда мы станем его. Навсегда.

Они вышли к ручью. Вода в нём была чёрной, как чернила, и не отражала ничего. На другом берегу стояла хижина. Она была старой — очень старой, с прогнившей крышей и стенами, покрытыми мхом. Но она стояла. И из трубы шёл дым.

— Он там, — сказал Гарольд. — Он всегда там.

Они перешли ручей по камням. Тимми чувствовал, как холодная вода пропитывает его кроссовки, но не обращал внимания. Он смотрел на хижину. Дверь была приоткрыта, и в темноте внутри что-то двигалось.

Гарольд остановился у порога.

— Я не могу войти, — сказал он. — Я пытался. Много раз. Но что-то держит меня.

— Что?

— Страх. Он держит меня здесь. Он знает, что я боюсь.

Тимми посмотрел на дверь. Потом на Гарольда. Потом снова на дверь.

— Я не боюсь, — сказал он и шагнул внутрь.

В хижине было темно, но не настолько, чтобы ничего не видеть. В центре комнаты горел очаг, и огонь в нём был странным — он не давал тепла. Он был холодным. Как будто горел не огонь, а что-то другое. Что-то, что только притворялось огнём.

У очага сидел человек. Он был худ, как скелет, и его кожа была серой, как старая бумага. Он не двигался. Он просто сидел и смотрел в огонь. А рядом с ним, на полу, сидел кот.

Мистер Шип.

Кот посмотрел на Тимми. Его ржавые глаза блеснули в свете холодного огня.

— Я ждал тебя, — сказал человек. Его голос был скрипучим, как несмазанная дверь. — Я ждал тебя двадцать лет.

— Кто вы? — спросил Тимми.

Человек поднял голову. И Тимми узнал его. Он узнал это лицо — потому что видел его каждую ночь во сне. Это был его отец.

Шериф Дэвид Холлис.

Он не умер. Он был здесь. Всё это время.

— Папа? — прошептал Тимми.

— Я больше не твой отец, — сказал человек. — Я — его. — Он кивнул на кота. — Он забрал меня. Забрал всё, что было мной. Осталась только оболочка. Я сижу здесь и жду. Жду, когда он отпустит меня. Но он не отпустит. Никогда.

Кот поднялся. Он подошёл к Тимми и сел перед ним. Он смотрел на мальчика, и в его глазах не было ни злобы, ни голода. Только терпение. Бесконечное, как сама тьма.

— Ты можешь уйти, — сказал кот. Его голос звучал в голове Тимми, как будто кто-то говорил прямо в его мысли. — Ты можешь уйти прямо сейчас. Но тогда ты никогда не узнаешь.

— Что не узнаю?

— Кто ты на самом деле.

Тимми посмотрел на отца. Тот сидел неподвижно, как статуя. Потом он посмотрел на кота. И понял, что не хочет уходить. Он хотел знать. Он хотел понять.

— Я остаюсь, — сказал он.

Кот моргнул. Один раз. Медленно.

И улыбнулся.

Глава 5. То, что было до

Гарольд Винс стоял на пороге хижины и смотрел, как мальчик садится рядом с человеком, который когда-то был шерифом. Он хотел закричать. Хотел схватить Тимми за руку и вытащить его оттуда. Но не мог. Ноги не слушались. Руки не слушались. Он просто стоял и смотрел.

— Ты тоже можешь войти, — сказал кот, не оборачиваясь. — Ты знаешь это. Ты всегда знал.

Гарольд сделал шаг вперёд. Потом ещё один. И ещё. Он вошёл в хижину. Дверь за ним закрылась сама собой.

Внутри было холодно. Огонь в очаге не давал тепла. Гарольд сел на пол, напротив Тимми. Мальчик смотрел на него, и в его глазах не было страха. Только любопытство.

— Что теперь? — спросил Гарольд.

— Теперь мы ждём, — сказал кот. — Ждём, когда придёт время.

— Время для чего?

— Для того, чтобы всё закончилось.

Кот подошёл к Гарольду и потёрся о его ногу. Гарольд вздрогнул. Прикосновение было холодным, как лёд. Но в этом холоде было что-то ещё. Что-то похожее на покой. На освобождение.

— Ты боялся меня всю жизнь, — сказал кот. — С того самого дня, как я привёл тебя сюда. Ты думал, что я хочу тебя убить. Но я не хотел. Я хотел показать тебе правду.

— Какую правду?

— Правду о том, что ты не человек.

Гарольд замер.

— Что?

— Ты не человек, Гарольд. Ты никогда им не был. Ты — один из нас. Ты родился здесь, в этом лесу. Твоя мать нашла тебя в хижине, когда ты был младенцем. Она забрала тебя в город, воспитала как своего сына. Но ты всегда знал, что отличаешься. Ты чувствовал это. Ты видел сны, которые не снятся людям. Ты слышал голоса, которых не слышит никто.

Гарольд смотрел на кота. В его глазах стояли слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.